

ЭО, 2010 г., № 4

© Л.Н. Хаховская. Рец. на: Т.А. Брачун, В.Х. Сахибгоряев. *Чукотский этнос: генезис и кризис*. Магадан: Ноосфера, 2009. 117 с.

Вышла в свет книга, посвященная одному из коренных народов Севера, авторы которой отмечают “большой интерес научной общественности” к своему исследованию (с. 3). Действительно, любая работа подобной тематики обречена на повышенное внимание аудитории уже в силу того, что в очередной раз затрагивает “вечные” вопросы о происхождении коренных народов и традиционных культур, о природе и характере этничности, судьбах малых народов в лоне цивилизации и т.п.

В последние десятилетия появилась масса трудов “по поводу” этничности, написанных представителями самых разных научных дисциплин. Авторы рецензируемой книги также предваряют изложение оговоркой: не следует относиться к их работе как к историческому исследованию, задача здесь поставлена другая: рассмотреть чукотскую “этнокультуру” в философском ключе (с. 3). Вместе с тем они настаивают на “философско-этнологическом” статусе исследования (с. 8), тем самым возлагая на себя ответственность перед сообществом этнологов за качество представляемого материала. Желание поделиться мнением о книге и побудило нас взяться за перо.

Цель рецензируемой работы – выявление “закономерностей развития ... конкретного этноса в конкретных историко-культурных обстоятельствах”, а также приближение “к рациональному усвоению неких общих законов” (с. 3). Уже в начале этого пути, однако, делается вывод, уместный разве что для заключения: “можно утверждать, что цивилизация, навязанная малым этносам Севера, сыграла крайне деструктивную роль в жизни чукчей, эвенов, ительменов, эскимосов и т. д.” (с. 4). Это заставляет думать о предвзятой исходной позиции авторов, заведомо предполагающих негативный результат контактов малочисленных северных народов с носителями европейской культуры.

В качестве основополагающего подхода заявлен принцип релятивизма, в рамках которого авторам удержаться не удалось: положение о равенстве всех культур, служащее теоретическим оправданием апологетики по отношению к любым (этно)культурным фактам и исключающее применение к ним оценочной шкалы, вступает в противоречие с критикой массовой (урбанистической, модернистской) культуры, “красной нитью” проходящей сквозь монографию. Рецензируемая работа поэтому отрицательно отвечает на вопрос, возможно ли исследователю избежать фиксации в определенной “точке отсчета”, относительно которой обозревается этнографическая реальность: произошла лишь смена европоцентризма на “азицентризм”. Но и эта смена в данном случае не означает попытку освещения этнокультурных процессов “изнутри” этноса, поскольку ничего принципиально нового авторы не излагают, а, скорее, служат моральным основанием для осуждения действий “белого человека”, с одной стороны, и героизации истории чукчей, с другой. Такая позиция широко распространена в этноориентированной публицистике, встречается и в научной литературе, но познавательный потенциал ее невысок.

Природа этничности авторами онтологизируется. По их мнению, цивилизация несет чукчам “деэтнификацию”, т. е. “выхолащивание основ этнической культурной самобытности” (с. 2, обложка). Более того, они пишут: “Исчезающая этническая культура формирует человека “вне культуры” или этноса (так в тексте. – Л.Х.) “вне культуры”» (с. 77). Как видим, убеждения авторов в том, что члены этнических образований потому и являются этнофорами, что не меняют однажды обретенный “реликтовый” культурный облик, столь тверды, что они даже отказывают в культурных характеристиках трансформирующимся сообществам.

Вопреки собственным намерениям авторы все же производят оценку контактирующих культур: “цивилизующему” влиянию придается негативная окраска, а традиционным элементам – положительная, именно вследствие их архаики и пережиточности. Последний посыл одновременно как бы снимает вопрос о генезисе культурных явлений у чукчей. В результате чукотская культура определяется как “реликтовая этническая культура, имеющая высокий уровень имманентности” (с. 8).

Авторы заявляют о проведении типологизации, посредством которой они пытаются “не только конкретизировать проблему, но и обобщить субъективный круг исследования” (Там же).

Людмила Николаевна Хаховская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН; e-mail: hahovskaya@mail.ru; hahovskaya@neisri.ru

Но реальной классификации каких-либо объектов с четким выделением оснований членения не производится: после нестрогих рассуждений о “чистоте крови” и “месте под солнцем” чукчи “типологически” отнесены к “группе палеоазиатских народов (наряду с эскимосами и ительменами)” (Там же). Несколько даже неловко указывать авторам, что данная процедура ничего общего с типологизацией не имеет. К тому же современная этнология оказалась от взгляда на ряд этносов как на палеоазиатов. А если авторам еще незнакомо это положение, то ведь и прежние представления о круге палеоазиатских народов отнюдь не ограничивались тремя названными.

В качестве объекта исследования избрана “реликтовая культура” (Там же). Но данный объект неочевиден: на самом деле рассматривается современное чукотское общество, в культуре которого переплетены разновременные элементы, а реконструкцию “реликтового” его состояния авторы, как будет показано, не производят. Далее, методом исследования является “метод синхронного и диахронного подхода” (с. 9). Синхрония позволяет разграничить этнические и социальные процессы, а диахрония – увидеть, как “социальное замещает этническое” (Там же). То есть этнические процессы не признаются частью социальных: последнее, по мысли авторов, присущи лишь “цивилизации”, которая осуществляет “импорт” социального в традиционные общества, нанося последним урон в этничности. Этнические процессы, “статические” (?) по своей сущности, противопоставляются “динамическим” социальным (с. 10). Но и этого авторам недостаточно: выдвигается положение о “парадигме этнического бытия, находящейся в устойчивом противоречии с парадигмой прогресса, свойственной цивилизации” (с. 12). Таким образом, по Т.А. Брачун и В.Х. Сахибгоряеву, настоящий этнос – тот, который “законсервировался в своей традиции”, “тяготеет к стабильному и статичному жизненному укладу”. Как только этнос начинает трансформироваться, он “теряет свой стержень и бытует во внешних антуражах в исчезающем режиме” (с. 12). На смену “имманентности” приходит “трансцендентность этнической системы” (с. 9), но смысл этих терминов не раскрыт.

Далее авторы пишут об “этническом способе производства”, который является “каркасом всей этнической культуры чукчей” и одновременно ее же “базовым элементом” (с. 9). Это последнее обстоятельство и позволяет, по мнению авторов, изучать реликтовую культуру “через этнический способ производства” (с. 10), а этот последний, согласно их представлениям, появился у чукчей в результате перехода к крупностадному оленеводству. По логике вещей, далее следует ожидать описания и применения исследовательских процедур, приводящих к искомой культурной форме.

Авторы выделяют три способа производства; этнический занимает вторую стадиальную ступень. Суть его заключается в следующих признаках: производящее хозяйство; священное отношение к природе; этнообразование; закрепление за этносом территорий; расцвет этнической культуры (с. 17). Введение этого понятия авторы считают основным своим достижением, но специалистам хорошо известны работы этнографов, разработавших концепцию смены способов производства во взаимосвязи с хозяйственно-культурной эволюцией (напр.: *Андрианов, Марков* 1990). Эта концепция охватывает все виды традиционного природопользования и не отсекает от этнообразования и “расцвета этнической культуры” народы, находящиеся на других стадиях развития хозяйства. Кроме того, “этнический способ производства” не выводит авторов на путь реконструкции исторического прошлого чукчей: напротив, они спешат отказаться от такой попытки, ссылаясь на отсутствие “надежных данных о происхождении чукотского этноса, его тысячелетнем генезисе” (с. 66). Поэтому категория лишена смысла, который позволил бы использовать ее в качестве инструмента исследования.

Неудачно и введение термина “циркумпольная семья культур” (с. 24). Во-первых, создание такой дефиниции подразумевает предварительное проведение иерархической типологизации культур, а это авторами не сделано. Во-вторых, признаки, по которым производится сведение объектов в этот класс, не операциональны, не могут работать: термин, как пишут Т.А. Брачун и В.Х. Сахибгоряев, подчеркивает “не только безликий принцип единства большого сообщества этносов, но и многообразие их культур” (Там же). То есть эти признаки изначально противоречат друг другу; а уж если налицо многообразие, то создать общий класс никак не получается. К тому же категория “семья” прочно закрепилась за этнолингвистической классификацией, и подобного параллелизма лучше избегать.

Некоторые установки авторов, как нам кажется, имеют скрытую подоплеку, вызывающую преувеличенно охранительный пафос работы. Современное чукотское общество настойчиво характеризуется как “реликтовое”, “первобытное”, находящееся на стадии “каменного века”, “становления культуры”, сохранившее “первозданное реликтовое состояние” (с. 8, 11, 12, 26, 34, 41, 66 и др.). Говорить о том, что это не соответствует действительности, означает ломиться в открытую дверь, и мы не будем напрасно тратить усилия. Важнее другое: для чего авторы, во-

преки очевидности, убеждают в этом читателя? Как нам кажется, чукотский этнос, находящийся в глубоко первобытном состоянии, а отнюдь не модернизированный, в данном случае выступает как некий символ, знак, долженствующий сообщить дополнительный блеск культурологическим рассуждениям авторов, которые без этой опоры уж совершенно явно повисли бы в воздухе. Неслучайно в работе не рассматриваются коряки, в становлении пресловутого “этнического способа производства” сыгравшие никак не меньшую, а то и большую, нежели чукчи, роль. Но увы, коряки мало знакомы широкой аудитории этнологов, и численность их поменьше, и история их не столь героична.

Этнографических материалов в книге немного. Некоторые положения весьма туманны. Так, культура морских зверобоев, по мнению авторов, “более низкая стадия развития” (с. 16), нежели оленеводческая, так как в последней происходит “усложнение ручных манипуляций”, формирование “технологии и практики возделывания оленей”, ослабление “религиозно-культурной ритуализации труда” (с. 16). Здесь что ни довод, то темное место. Что такое “технология и практика возделывания оленей”? В чем заключается усложнение ручных (скорее уж, ножных!) манипуляций у оленеводов? Как связаны изменения обрядового поведения с эволюцией культуры? На эти вопросы книга ответа не дает.

Есть и неверные утверждения. Чукчи, вопреки мнению авторов (с. 51), в XVIII в. не вели военных действий против ительменов. Причина нападения на коряков – не столько “отвоевание ареала для хозяйственной деятельности” (Там же), сколько захват оленьих стад и пленников. Именно поэтому нельзя утверждать, что “чукчи первыми перешли к производящей экономике” (с. 52), “смогли сформировать самостоятельную культуру хозяйствования, основанную, в основном, на кочевом скотоводстве” (с. 16). Самостоятельность эта весьма проблематична, данному вопросу посвящена обширная литература, которую авторы не обсуждают.

Т.А. Брачун и В.Х. Сахибгоряев неправомерно противопоставляют родовые связи социальным. По их мнению, чукчи, как первобытный и реликтовый народ, находились, а отчасти и находятся на стадии “зарождения социогенеза”, когда “общество и его организации” оказывают незначительное влияние на “целокупную жизнь этноса” (с. 24, 26). То есть и в историческом прошлом, и в настоящем чукчей усматривается полное растворение в природе и крайняя социальная аморфность. Очевидно, что взгляд этот чрезвычайно упрощенный, вытекающий из изначальной позиции авторов, а не из фактов.

Следует отметить нестрогое употребление терминов (этническая и этнографическая группы; ассимиляция, адаптация, интеграция; дуальная организация этноса и т.д.). Столь же вольно обращение с источниками, ярким примером чему являются иллюстрации обложки: помещенные здесь снимки артефактов не относятся к чукотской культуре: наконечники поворотных гарпунов принадлежат аляскинским эскимосам; головки древков и “крылатые” предметы – предкам азиатских эскимосов (Crossroads 1988: 122, 161, 342). Книга обильно уснащена так называемыми “этнологическими очерками” (с. 27–30; 46–49; 62–64; 78–83), на деле представляющими смесь популярных сведений, биографий, бытовых рассказов, анекдотов. Очень печально, если авторы думают, что именно такими должны быть этнологические тексты.

Подведем итог. С этнологической точки зрения работа не выдерживает критики: ни этногенез чукчей, ни генезис чукотско-корякского оленеводства, составляющего, по мысли авторов, ядро “этнического способа производства”, не рассмотрены даже в первом приближении. О современных этнических процессах фактического материала крайне мало, его подменяют общие рассуждения. При использовании этнографического материала авторы не учитывают современные теоретические достижения дисциплины, а именно подходы, согласно которым традиционная культура и этничность жестко не связаны между собой. Полезна ли книга? Тот, кто обратится к ней за оригинальными или хотя бы надежными сведениями из прошлой и современной жизни чукчей, не найдет их. Тем, кто интересуется теоретическим осмыслением этнических вопросов, предложена не первой свежести концепция, основанная на онтологическом видении этничности, которая не позволяет авторам ни адекватно описать современные процессы, ни реконструировать отдаленные во времени.

Литература

- Андреанов, Марков 1990 – Андреанов Б.В., Марков Г.Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // *Вопр. истории*. 1990. № 8. С. 3–15.
- Crossroads 1988 – Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. Wash. DC: Smithsonian Institution Press, 1988.